

Третий
путь

ЮРИЙ БОЛДЫРЕВ

КАК НАМ ИЗБЕЖАТЬ НИЩЕТЫ
ЧТО ДЕЛАЕТ И ЧТО ДОЛЖНО ДЕЛАТЬ ПРАВИТЕЛЬСТВО

Третий путь

Юрий Болдырев

**Как нам избежать нищеты.
Что делает и что должно
делать правительство**

«Алисторус»

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

Болдырев Ю. Ю.

Как нам избежать нищеты. Что делает и что должно делать
правительство / Ю. Ю. Болдырев — «Алисторус», — (Третий
путь)

ISBN 978-5-906817-32-7

Юрий Юрьевич Болдырев – известный публицист, писатель, государственный и общественный деятель. Он автор более десятка книг по политике и экономике современной России. В своей новой книге Ю.Ю. Болдырев разбирает действия российской власти в последний период, когда из-за обострения отношений с Западом, введения санкций и общего экономического кризиса положение России и ее народа резко ухудшилось. Можно ли в этих условиях избежать массового обнищания населения и связанных с этим тяжелейших социальных и политических последствий? Юрий Болдырев уверен, что при нынешней политике власти – нет. В доказательство он приводит конкретные действия правительства, Центрального банка, Министерства финансов и других государственных институтов, которые лишь усугубляют кризис в России. Однако выход есть, говорит Ю. Болдырев, существуют реальные меры по оздоровлению ситуации; он останавливается на них подробно, начиная от поддержания рубля и новой политики в отношении банковской системы и заканчивая шагами по повышению жизненного уровня населения.

УДК 323(470)
ББК 66.3(2Рос)

ISBN 978-5-906817-32-7

© Болдырев Ю. Ю.

© Алисторус

Содержание

Дефективный народ или предательская власть?	7
Коррупция как системный порок российского капитализма	7
А где же Путин?.	16
Дефективный народ или предательская власть?	17
Конец ознакомительного фрагмента.	18

Юрий Болдырев
Как нам избежать нищеты. Что делает
и что должно делать правительство

© ООО «ТД Алгоритм», 2015

Дефективный народ или предательская власть?

Коррупция как системный порок российского капитализма

Коррупция – особая тема. Во-первых, трудно избежать банальностей. И, во-вторых, проблема не в том, что никто не знает, что делать, а в том, что ни у власти, ни у общества нет главного – воли к решению проблемы. Остается одно – уводить тему подальше от истинного предмета. Поэтому вынужден начать не с описания проблемы и постановки задач, но с критики того, как эта тема подается обществу.

Типичный материал о коррупции: «В скольких ситуациях нам приходится “благодарить” чиновника или даже дать взятку заранее, чтобы решить проблему <...>, но задумываемся ли мы о причинных явлениях?..» Затем – об исторических корнях: иерархия потребления добычи в зависимости от места в стае. Затем – кормление с должности и т. п.; применительно к нашей стране – о том, как еще «Петр Алексашку порол, но не изгонял», потому что Алексашка «полезен был». Плюс знаменитое: «Воруют...»

Далее – о советском периоде: про приписки и «корректировки» плана, «дефицитную экономику» и возникновение паразитического слоя тех, кто дефицит распределял – откуда вроде и произрастает нынешняя коррупция. К последнему акценту тяготеют представители либерального взгляда, описывающие советское общество как «бюрократический рынок».

По их логике, происходившее в 90-е годы прошлого века – прогресс. Рынок «бюрократический» заменен на рынок товаров и услуг, предоставляемых за деньги. Очевидные же провалы и аномалии в его работе, явная несправедливость отношений – издержки переходного периода.

В рамках такой логики нынешний рост коррупции – следствие «недореформированности» и поворота политики от либерализма обратно к госпатернализму. Убедительности всему придают данные исследований (например, фонда «Индем»), в которых рассчитывают средний размер взяток, а также оценивают ущербы от коррупции... Для публики же попроще, на ток-шоу и в телепередачах, акцент на мелкой бытовой коррупции – в школах и поликлиниках, максимум на уровне ГИБДД, а также на массовости явления и, вроде как, общей коллективной вине.

И рецепты спасения. Прежде всего, начинать с себя – не давать взятку, и все урегулируется... При постановке же вопросов более системных обычно оговариваются: целью не может быть преодоление коррупции, нет – лишь ее сведение к некоторому минимуму. Любопытно сравнить: про убийства так никогда не говорят. И это не случайно: сама идея о нормальности «минимума коррупции» уже выводит это явление из числа смертных грехов и переводит в разряд уже не абсолютного зла.

Типичные предлагаемые рецепты борьбы с коррупцией: послабления лицензирования, сертификации, отказ от госрегулирования либо добровольное саморегулирование, передача ряда функций государства частному сектору, а также расширение политических прав и свобод, демократизация политической системы и свобода СМИ...

Раскрытие проблемы по описанным лекалам ведет к успеху: получение грантов на «дальнейшие исследования» от международных организаций и фондов, поддержка героической «антикоррупционной» деятельности финансовыми и даже административными структурами, вхождение в антикоррупционные советы и комиссии (включая привластные), «мозговые центры» и общественные палаты... Понятно, ведь известен рецепт удержания власти: «Если движение невозможно остановить, то его необходимо возглавить». Это относится и к противодействию коррупции. И вот уже призывы к борьбе с коррупцией мы слышим, можно сказать, из

самых центров этой самой коррупции. Из них координируются и гранты на исследования, и назначения как должностных лиц, призванных противодействовать коррупции, так и отдельных с виду самостоятельных «героев», а также освещение проблемы в СМИ. Что ж, неудивительно.

Можно, конечно, напомнить, чем полтора десятка лет назад занимались многие из тех, кто сегодня делает имя на расчетах размеров «средней взятки». Так, с одним из них я (как член Совета Федерации) регулярно сталкивался в согласительных комиссиях, где он (помощник Президента) отстаивал позицию Ельцина и его администрации. Прежде всего, по тем вопросам, где задача парламента была ограничить произвол президента и правительства, задача же стороны президента была, напротив – не допускать демократического контроля за властью...

Но важнее другое – обратить внимание на лукавость ряда постановок вопросов и рецептов излечения.

Базисный тезис вульгарно-либерального взгляда на проблему коррупции: «Источник коррупции – «избыток государства», и основное лекарство – «минимизация государства», либерализация госрегулирования. И под этим флагом проходила «либерализация» 90-х годов. Но ведь «свято место пусто не бывает». Если государство уходит из какой-то сферы, не обеспечив защиту от монополизации, то приходят силы, которые уже вне механизмов демократического контроля и к которым апеллировать по вопросам нарушения закона и несоблюдения прав человека бессмысленно.

Ошибочность тезиса иллюстрируют недавние события. Президент, подталкиваемый «либеральными» советниками, принимает решение: ограничить госконтроль – чтобы проверки предприятия одной службой проводились не чаще, чем раз в три года. Затем – пожар в пермском клубе «Хромая лошадь», демонстрирующий как полное пренебрежение требованиями пожарной безопасности, так и удивительную «лояльность» контрольных органов к нарушителям. Реакция властей – сплошные проверки в развлекательных учреждениях. Но и некоторая озабоченность. Председатель Правительства заявил примерно так: ослабляешь контроль – угроза безопасности, усиливаешь контроль – коррупция. Но далее власть, находящаяся в плену вульгарно-либеральной парадигмы, сделала лишь один вывод: надо искать какой-то «компромисс». Представления же о том, что при адекватном подходе к системе госуправления задачи безопасности и пресечения коррупции не противоречат друг другу, а, напротив, неразрывно связаны, у нашей власти не было и нет...

Еще один ошибочный тезис: прямое госрегулирование – дело коррупционно емкое и дорогое, отказ же от него, переход к рынку усилий и расходов не требует. Но изучение опыта развитых стран, опыта их антимонопольного и антикриминального регулирования подтверждает противоположное: прямое госрегулирование нерыночной экономики проще и дешевле, нежели государственное регулирование рыночной экономики, насущно необходимое для ее эффективности. Так, достаточно сравнить объем работы и квалификацию, необходимые для того, чтобы, с одной стороны, волевым методом установить единые для региона цены на отопление, как это делается у нас (решения сугубо политические), или, с другой стороны, чтобы регулировать рентабельность множества компаний, поставляющих топливо для отопления домов в США. Согласитесь, если браться за второе, ни о каком «уменьшении» государства и речи быть не может.

Другой пример: в период моей работы в Счетной палате РФ (1995–2000 гг.) численность ее сотрудников колебалась между 700 и 1000 человек. Для сравнения: в США (с уже развитой рыночной экономикой и без специфических «переходных» проблем) численность сотрудников аналогичного контрольного органа (US GAO) достигала 5 тыс. человек, а в период войны против Вьетнама доходила и до 15 тыс. человек. Таким образом, даже чисто количественно развитие рыночной экономики никоим образом не ведет к «удешевлению» государства.

А у нашей власти новая панацея в борьбе с коррупцией – две немудреные идейки: систематизация «госуслуг» и их автоматизация, пафосно называемая «электронным правительством». Но при чем здесь базисное понятие «правительство»? Как ни перечитывайте Конституцию, но понятия «государственные услуги» в ней (тем более, в привязке к правительству) не найдете. «Полномочия» есть, «услуг» нет.

Налицо перевод ряда полномочий власти в категорию «услуг». На уровне «хочешь – пользуйся, а не хочешь – не пользуйся». Яркий пример – техосмотр автомобилей, который планируют передать частным структурам. Но мне не нужна эта «услуга» – я себе доверяю больше, чем любому ТОО. Если меня контролирует государство, я согласен. Но причем здесь «услуга» перепроверить меня, за которую я еще должен кого-то обогащать?

Все это – симулирование правительством создания «свободного рынка услуг», с одновременным снятием с себя ответственности за реализацию своих полномочий. А коррупция – на месте. Если естественный отбор кадров во власти заменен противоестественным – по принципу личной преданности и корыстным критериям, то как подбираются подрядчики на госзаказы?..

Но нельзя ограничиться лишь констатацией набора вульгарных идейек, положенных в основу строительства нашего государства. Есть результат: страна абсолютно и полностью погрязла в коррупции. Какую бы сферу жизни мы ни затронули, везде мы ни в чем не можем быть уверены и ни на один институт государства не можем положиться. Откуда же такая страсть, казалось бы, даже и у неглупых людей, к посредственным и очевидно вредным по последствиям творениям человеческого разума?

Дэвид Кортен, проработавший много лет в международных организациях, дает свой ответ. Он свидетельствует: транснациональные корпорации финансируют через международные фонды лженауку, обосновывающую ограничение контроля государств за их деятельностью (под предлогом прогресса, который корпорации несут миру), а также вообще необходимость ослабления государств. И здесь интересы совпадают: ведь задача всякой власти, предающей свой народ, не допустить становления сильного государства как основного механизма самоорганизации общества.

Основа любого управления – обратная связь, контроль, отслеживание результатов действий. Если в этом звене сбой, управление рассыпается. С этой точки зрения важно видеть и понимать, как эволюционировала система госконтроля в России в течение последних двух десятилетий.

В 1992-м – начале 1993 гг., когда я работал начальником Контрольного управления администрации президента России, главной проблемой, очевидно, была не бесконтрольность, но безнаказанность. Максимум, что грозило тем, кто раздавал «своим» госсобственность, бюджетные средства, льготы и привилегии, – увольнение с должности на подготовленные «запасные аэродромы». Но вместо ужесточения санкций курс был взят на иные «реформы». В марте 1993 года Контрольное управление (КУ) было упразднено, затем воссоздано, но уже в новом качестве. Над начальником нового КУ (это был уже другой человек) оказался не только президент, но и «контрольно-наблюдательный совет» ... из тех, кого контролировали, – из министров и губернаторов. Так Ельцин, готовившийся к перевороту и нашедший опору в лице самых коррумпированных сил в своем окружении, уничтожил систему внутреннего контроля в своей же администрации...

После переворота 1993 года целый год власть была вообще бесконтрольна. При этом Счетную палату на протяжении года создать не удавалось: президент и правительство выступали против ключевых положений законопроекта – тех, которые могли бы сделать Счетную палату полномочной, независимой и эффективной. Тогдашнему, независимому от президента парламенту все-таки удалось принять закон, наделявший Счетную палату полномочиями. Ель-

цин накладывал вето. Но большинство в парламенте было готово вето преодолеть, и президент пошел на попятный.

Вообще вопрос о месте и степени независимости высшего органа государственного финансового контроля – важнейший в деле борьбы с коррупцией. Все, что касается теории, методологии и практики такого контроля, достаточно изучено, принципиальных секретов здесь нет. Некоторые результаты работы такого органа (за первые шесть лет – с 1995-го по начало 2001 года, когда этот орган был действительно независимым), приведены в моей книге «О бочках меда и ложках дегтя».

Но власть не хочет мириться с независимым контролем. И спустя десятилетие история повторилась: теперь уже и конституционно независимая от президента Счетная палата законодательно подведена под президента. И принятый позднее закон о парламентском расследовании в принципе не позволяет интересоваться деятельностью президента...

Можно ли назвать такое государство, даже и с выросшим за десятилетие почти вдвое количеством чиновников, но без независимого от власти контроля за ее действиями, сильным? Нет, это и есть «маленькое» (слабое, коррумпированное) государство, притом очень дорогое.

Описывать все метаморфозы идейного контекста реформ 90-х годов здесь не будем – на эту тему есть исследования и публикации. Но важно подчеркнуть, что в самый критический момент исторической развилки, выбора пути (1992–1994 гг.), был не просто запущен заведомо мошеннический механизм приватизации госсобственности, но, что не менее важно, в общество былаброшена идея неизбежности и даже полезности коррупции. Вспомните: «недостатки российских законов компенсируются лишь необязательностью их исполнения»; «коррупция – это жизненно необходимая смазка экономического механизма», наконец, что «коррупция – гарантия необратимости реформ и невозвращения к массовым репрессиям», и лозунг: «Коррупция – против коммунизма!». Отдельные голоса, пытавшиеся донести мысль противоположную – о том, что масштабные воры неминуемо станут душегубами, – тонули в организованном хоре приветствовавших свободу мошенничать и красть...

Но, может быть, только так можно было осуществить масштабное разгосударствление, а иначе, как заявляли реформаторы, было бы не сломить сопротивление – и «охлократических масс», и «красного директората»?

Есть вопрос, стоила ли овчинка выделки. То есть стоило ли даже ради такой «святой» цели идти на разрушение базисных моральных основ жизни общества, а также была ли вообще необходимость в столь стремительном разгосударствлении. О последнем можно спорить. Но приведу свидетельство того, что никакого сопротивления «охлократических» трудовых коллективов и «красного директората» разумному реформированию экономики и даже приватизации не было. Это был искусственно придуманный враг, «борьба» с которым помогла подменить реформирование разграблением.

Итак, свидетельствую. В январе-феврале 1992 года мне был предложен пост советника Госкомимущества в ранге замминистра, на что я дал согласие и, еще не будучи оформленным, по поручению председателя Госкомимущества (А.Б. Чубайса) отправился в Петербург на переговоры с Ассоциацией советов трудовых коллективов. Вернулся я окрыленный и сразу доложил руководителю результаты. А именно: ассоциация не выступает за какую-либо уравниловку. Напротив, советы трудовых коллективов за то, чтобы руководители предприятий, как самые квалифицированные и заслуженные работники-управленцы, могли законно получить контрольные пакеты акций предприятий. Но на определенных условиях, которые и должны были выработать органы власти и трудовые коллективы. Главное – эффективное управление, исключаящее разбазаривание основных фондов, гарантирующее сохранение предприятий (пусть и с переориентацией), максимально возможное сохранение трудовых коллективов, а также обеспечение на переходный период зарплаты работникам. Разве такие предложения не могли стать основой для широкого консенсуса в ходе реформ? А также, что не менее важно,

для того, чтобы сформировался класс собственников-управляющих, получивших богатство, во-первых, честно, без преступной предыстории, и, во-вторых, не вопреки государству и обществу, а благодаря честному служению ему?

Шоком для меня было то, что руководитель (Чубайс) даже не дослушал мой доклад, а прямо мне сказал, что вообще-то этим заниматься не надо, а переговоры – только для выигрыша времени, а делать мы все будем иначе...

Как делали иначе – известно: в нарушение закона подменили именные приватизационные счета обезличенными ваучерами, чем создали условия для вброса ваучеров фальшивых, а также массовой скупки этих ваучеров третьими лицами и вообще потери контроля государства и общества за процессом приватизации. Затем создали условия, позволявшие руководителям предприятий, не получившим того, что, как многие из них считали, они должны были получить по справедливости, задерживать или вообще не выплачивать зарплату работникам. И тем самым вынуждать работников за бесценок продать свою долю собственности, как правило, через подставных лиц, тем же руководителям, причем за ничтожную часть своей же зарплаты или иных средств предприятия.

Ваучеры у обездоленных работников позволялось скупать за любые деньги: была брошена идея, что мы должны легализовать теневые средства и «заставить их работать на нашу экономику». Где-то возникала конкуренция между скупавшими акции своего предприятия через подставных лиц руководителями и мафиозными структурами; кто в этом случае побеждал, как правило, понятно – тот, кто не связан в методах. А где-то возникало и сотрудничество, а постепенно и идейное единство. Отсюда – криминализация и методов управления, и сознания огромного количества руководителей.

Описанное – не цепь случайных событий, а сознательная многоходовая комбинация. Сошлись интересы внешних заказчиков «уменьшения» нашего государства и нарождавшейся криминальной «элиты» страны. Важный штрих: в ежегодно направлявшихся нашим правительством и Центробанком в МВФ заявлениях о среднесрочной экономической политике регулярно выявлялись следы некачественного перевода на русский с английского. А в 1996-м году этот документ предусматривал ограничение Счетной палаты лишь контролем за бюджетом. Понятно: чтобы не мешала разворовыванию госсобственности через «кредитно-залоговые аукционы», махинациям с золотовалютными резервами и госдолгом и т. п.

Реализованный сценарий масштабной криминализации страны предопределил характер российской экономической и политической системы, неминуемую при таком сценарии деградацию и производственных, и общественных отношений. Отношения эти не столько конкурентно-производительные, сколько криминально-перераспределительные. В этой системе отношений коррупция – не помеха процессу, а самый базис, инструмент извлечения прибыли.

Встречается и иная постановка вопроса – о неразрывной связи между рыночной экономикой и коррупцией. Что ж, такая связь есть, но равно как есть связь и между административными отношениями и опять же коррупцией. Так вряд ли можно утверждать, что в СССР в 70—80-е годы XX века (без рыночной экономики) коррупция (в торговле, здравоохранении и образовании) была меньше, чем в этот же период в Швеции, Норвегии или Сингапуре – государствах с рыночной экономикой, но последовательным социальным и антикоррупционным регулированием.

В конце 80-х годов в наше сознание внедрялась идея, что корень бед – административно-распределительные отношения. Откажемся от них, перейдем к рынку – коррупция сама отомрет. Но коррупция равно свойственна и рыночной, и нерыночной экономике (различны лишь формы), и проистекает она из многих факторов – из нравов общества, из несправедливости распределения национального дохода, из представлений о допустимом неравенстве, целях и смысле жизни, из ценностной ориентации граждан, слабости правоохранительной системы и

т. п. У нас же целенаправленно поощрялось аморальное и мошенническое поведение. Ростки взошли. И теперь ключевая проблема: а кто в подавлении коррупции заинтересован?

Главный результат криминально ориентированных реформ в России: самые экономически сильные у нас стали таковыми не законно, а, как правило, противозаконно, и не благодаря честному и высоко моральному служению обществу и государству, но, напротив, благодаря тому или иному способу фактического разграбления государства (наиболее известный пример – «кредитно-залоговые аукционы»). Так было бы странно, если бы российский крупный капитал теперь солидаризировался бы со своим народом, был бы заинтересован в усилении государства и государственного порядка.

Сравним с генезисом капитала в Китае.

Известно множество работ по сравнению китайского и российского опытов реформ, но акцент делается, как правило, на убийственных для нас различиях в результатах. Нас же интересует еще и мораль общества, а также источник этой морали. Мне довелось изучать китайский опыт, а в 1992 году даже и посетить Китай, пообщаться с руководителями государства и со специалистами. Еще тогда я был поражен четкостью регламентации в Китае всего, что связано со стимулированием труда госслужащих. И главное наше отличие от Китая вовсе не в том, что у нас меньше старательных, терпеливых работников. Отличие в том, что в Китае самыми сильными, влиятельными и богатыми стали те, кто честно служил своему государству и обществу, затем был направлен государством на управление госдолями и паями акций и затем стал богатым и сильным благодаря государству, стоящему за его спиной. Это создает противоположную нашей моральную атмосферу во властной партийно-государственной и финансово-промышленной элите.

Сильное государство, жестко пресекающее коррупцию – для китайской элиты это условие возможности сохранить и упрочить свое положение, в том числе, в конкурентной борьбе на мировом рынке. И в китайской элите есть консенсус в отношении пресечения коррупции самыми жесткими мерами.

Таким образом, коррупция – не повод отказаться от рынка. Но это основание применить жесткие механизмы его контроля и регулирования – в целях недопущения поворота рыночных сил против интересов государства.

И последний пример. Вопросы госрегулирования экономики, в том числе внешней торговли и доступа к отраслям национальной экономики иностранных инвесторов (вплоть до зарубежного контроля) – это вопросы отнюдь не чисто рыночные, а экономической и оборонной политики. Китай (уже два десятилетия не экспортер, а импортер энергоресурсов) на переговорах о вступлении в ВТО добился более чем 90 % защиты своего нефтегазового сервиса (технологичного обеспечения обустройства месторождений, добычи и переработки сырья). Россия же – «энергетическая держава», вопрос о защите этого жизненно важного сектора, мостика между сырьевым сектором и производителями высокотехнологичного оборудования (о которых теперь столько «заботы» с высоких трибун), на переговорах о вступлении в ВТО даже и не поднимала... Так причем здесь наличие или отсутствие рынка, если налицо прямая сдача важнейшими нерыночными институтами государства (институтами госвласти) стратегических интересов страны?..

Проблема субъектности в вопросе о подавлении коррупции ведет нас к необходимости разделить все виды коррупции на два основных: коррупция аппаратная (чиновничья) и государственно-политическая.

Коррупция аппаратная – именно ей надлежало противодействовать Контрольному управлению Президента и всей системе внутреннего контроля. И подавлением этого вида коррупции успешно занимается Китай. Другой пример эффективного механизма борьбы с такой коррупцией дает нам Сингапур. Причем суть метода не только в известной жесткости наказаний, но и в двух других важных аспектах.

Первый – возможность достойной карьеры и оплаты труда госслужащих, включая высших должностных лиц. И никакого лицемерия, вроде нахождения на госслужбе «и так богатых» за символический один доллар в месяц. Напротив: если налицо рынок труда, то и уровень зарплаты госслужащих должен быть сопоставим с тем, что этот же специалист мог бы заработать в частном секторе. Понятно, что при таком подходе ни о каком «дешевом» государстве и речи быть не может.

Второе – презумпция коррумпированности госслужащего, в отличие от презумпции невиновности гражданина. Госслужащий, в отличие от простого гражданина, обязан быть особенно щепетилен. И если он «нечаянно» направил деньги не туда (как это регулярно делали наше правительство и Минфин), или предоставил кому-то льготу (как это столь же регулярно делали наши президент и правительство), или осуществил закупки некачественных товаров и услуг, или перерасходовал средства (как это систематически делали у нас правительство и управление делами президента), то не прокуратура обязана доказывать преступный умысел, а, напротив, ответственное лицо должно доказывать в суде безупречность своих действий и чистоту помыслов. Аналогично, если должностное лицо получило что-либо (любое благо) сверх положенного от государства обеспечения (как, например, группа «писателей» из Госкомимущества получила в свое время по сто тысяч долларов за еще не написанную книгу от структур, связанных с ОНЭКСИМ-банком), то именно на нем лежит бремя доказательства в суде, что это благо не есть коррупционная оплата «услуги».

К этому остается добавить достаточно самостоятельные внутренние (для системы исполнительной власти) контрольные органы, замыкающиеся лишь на первого руководителя, плюс, чтобы не было необходимости раздувать их штаты до бесконечности, – чрезвычайно жесткие (в отличие от наших псевдогуманных) санкции за нарушения и, тем более, преступления.

Сравним этот подход с нашим. Неадекватно низкая оплата труда госслужащих, врачей и учителей, да еще и связанная не с объективными трудностями, а лишь с нежеланием легально платить за труд в соответствии с его качеством и тем самым сделать служащих свободными и самостоятельными, действительно толкает людей к поиску не вполне законного дохода. Плюс отсутствие надлежащих санкций, формулирование их так, чтобы можно было и привлечь, но можно и не привлекать. Все направлено не на пресечение коррупции, не на обеспечение законности, но на личную лояльность начальнику, на зависимость подчиненного, который, таким образом, кругом «на крючках».

В части же оплаты труда – повторю: важен не столько абсолютный объем, сколько соотношение зарплаты на госслужбе и в частном секторе. В течение всего периода 90-х годов, когда закладывалась основа нынешних обычаев и нравов, зарплата на госслужбе была просто униженно низкой. Но важно подчеркнуть: это сложилось не стихийно, а было организовано сознательно. И СМИ, контролируемые нарождавшимися олигархами, постоянно выпячивали в глазах населения «необоснованно высокую» зарплату депутатов и госслужащих, как бы «забывая» сравнить ее с доходами банкиров, сырьевиков и самих теле- и радиоведущих и журналистов.

Показательный пример, о котором я уже упоминал. В 1995–1996 гг. зарплата зампреда правительства страны и зампреда Счетной палаты (эти категории были законом приравнены) составляла около 300–400 долларов в месяц и лишь в преддефолтовском 1997 году поднялась примерно до тысячи долларов (после дефолта же и до конца моей работы в начале 2001-го – опять около 350). И сверх этого никаких премий – только медобслуживание, персональная машина и госдача, на оплату которой уходила треть зарплаты. И это было неплохо, терпимо, но представьте: ниже и, соответственно, с меньшей оплатой – вся пирамида госслужбы...

В это же время зарплата зампреда Центробанка была на порядок больше (около 10 тыс. долларов в месяц) и плюс еще примерно столько же неподотчетных «представительских». Да плюс еще и возможность брать масштабные долгосрочные кредиты в ЦБ по ставке, ниже не только рыночной, но и многократно ниже инфляции – такие факты мы выявили тогда в ряде

отделений ЦБ. И обосновывалось это тем, что «не могут же наши (ЦБ) сотрудники получать меньше, чем сотрудники частных банков». Притом, что именно ЦБ осуществлял такое регулирование банковской деятельности, которое и позволяло банкам иметь сверхдоходы и выплачивать зарплаты и иные выплаты на порядок больше, чем на госслужбе и во вполне сознательно угнетавшихся высокотехнологичных секторах экономики.

Так создавались условия, при которых банки могли буквально оптом скупать госслужащих – как прямо и грубо, так и более тонко, например, намеком в будущем взять на работу в банк... Так была обеспечена «лояльность» госслужащих не столько государству, сколько финансово-спекулятивному капиталу, интересы которого объективно в ряде случаев прямо противоположны интересам общества и государства...

Коррупция государственно-политическая – болезнь несопоставимо более сложная. Для большинства современных государств именно она – главная проблема (хотя и не всегда осознаваемая обществом). Одновременно, этот вид коррупции является не проблемой, а инструментом – для теневых сил, заинтересованных в действиях государства вопреки интересам общества.

Первый признак государственно-политической коррупции – отсутствие реального подавления коррупции аппаратной, чиновничьей – той, с которой мы сталкиваемся каждодневно. Причина очевидна: для воспроизведения коррупционных механизмов прихода к власти и ее удержания необходима социально-экономическая база. Развращенное и зависимое (подвешенное на коррупционных «крючках») чиновничество – лучшая опора. Для него важно сохранение «стабильности» системы, включая неформальное разрешение высшей власти своим приближенным безнаказанно «пасть» на вверенной территории. За сохранение такой «стабильности» эта опора власти готова на любое преступление, включая фальсификации выборов и т. п.

Государственно-политическая коррупция, не будучи признаваемой у нас как ключевая болезнь, в то же время имеет идеологическое обоснование чуть ли не как благо. Публично о нем говорят редко, но среди «своих» – откровенно. Сторонники рассмотрения государственно-политического механизма демократического государства как «рынка» политико-административных «услуг» исходят из того, что интересов всего общества вообще нет. Значит, нет и интересов государства. Каждый субъект экономической деятельности должен покупать «услуги» – финансировать избирательные кампании, нанимать и перекупать лоббистов, политиков и политические партии. И тогда какая коррупция? Кто сильнее, кто сумел продвинуть своих к власти, тот и реализует свои интересы.

В рамках такого подхода отказ российских властей от защиты своей сферы высоких технологий вокруг сырьевого сектора – это не коррупция и не предательство национальных интересов. Это – всего лишь реализация наиболее сильными, контролирующими власть (сырьевиками), их интереса пользоваться дешевыми и эффективными (зарубежными) услугами.

Кстати, вопрос контроля над СМИ в рамках такой сверхлиберальной логики тоже можно рассматривать как естественный приз по результатам рыночной игры, вследствие чего отнимать этот приз у кого-либо (раз у нас собственность священна и неприкосновенна) нет ни малейших оснований...

Каким бы абсурдом не казалось более или менее социально ответственными силам последнее из выше описанного, содержательной дискуссии в обществе на эти темы нет. И не может быть таких дискуссий между двумя основными альтернативными социально-экономическими течениями – между, условно скажем, «либералами» и, столь же условно, «государственниками». Стороны не могут переспорить друг друга аргументами потому, что в основе позиций – не различная логика, в которой можно найти ошибки и противоречия, но разные исходные посылы, базирующиеся на различных ценностях. Это хорошо видно на примере критики либералами, например, таких ученых, как тот же выше мною упоминавшийся Дэвид Кортен: «Они просто продают себя как противники глобализации и на этом делают свой бизнес». То

есть такие «либералы» не могут себе и представить, что мотивом действий может быть что-то иное, нежели подороже продаться. Но тогда и коррупция – то, что хорошо «продается», а значит, это не зло, но, напротив, ценность...

Государственно-политическую коррупцию необходимо рассматривать не как нечто отдельное, связанное лишь с механизмами формирования власти, контроля за ней и смены власти, но как явление системное в жизни общества. Она является следствием принуждения общества к глобальной несправедливости и прививания ему представления о нормальности этой несправедливости, примитивизации структуры экономики и содержания труда граждан, господства криминально-перераспределительных отношений над производительными, атомизации и разложения общества, утратившего способность к солидарности и здоровую ценностную ориентацию.

Без постановки как базисного вопроса о ценностях, о справедливости, о солидарности и единстве общества, а также о его целях как целого и об идеологии движения вперед, решение вопроса только о политической реформе по рецептам «либерального» сообщества лишь расширит игровую площадку для государственно-политической коррупции, превратит нынешние бюрократически-коррупционные отношения вновь в отношения свободной купли-продажи «политических и информационных услуг». Вольные стрелки медийного сообщества, отдельные политики на этом заработают, но государство и общество в целом вряд ли продвинутся вперед.

Комплексные же рецепты борьбы с нынешним порочным кругом государственно-политической коррупции известны. Это и преимущественно государственное финансирование избирательных кампаний (как во Франции и Канаде), и жесткая регламентация деятельности СМИ в период избирательных кампаний (как, опять же, во Франции), и, что принципиально важно, научно-технологическое развитие (вместо нынешних разговоров о нем), и введение механизмов радикально более справедливого распределения национального дохода – как практически во всей Европе, что выводит целые слои населения из нищеты и делает их гражданский выбор более осознанным.

Но говорить об этом сейчас всерьез применительно к России сложно. При крайне недоброжелательном (и объективно не заинтересованном в таком развитии событий) внешнем окружении, внутри страны даже на горизонте пока не наблюдаются силы, в этом заинтересованные, осознающие свой интерес и способные подобного добиться.

2012 г.

А где же Путин?.

В качестве эксперта принял участие в очередных дебатах «Зюганов – Путин» в передаче «Поединок» на канале Россия-1.

Ожидалась сенсация: в новостях даже сообщили, что Путин планирует прибыть. Но не случилось – прислал вместо себя директора питерского НИИ скорой помощи. А сам где? Вечером узнаем во всех подробностях. В новостях, демонстрируемых в перерывах между фильмами о том, как Россия теперь «встает с колен» и о том, как «коммунисты угробили Россию».

Что ж, хорошо Путина понимаю.

Одно дело – силами всех подконтрольных и подручных СМИ методично строить светлый образ и вбивать в головы граждан, что если не он, то никто другой не защитит народ от тех, кто разорил страну в девяностые. И дело совсем другое – отвечать в прямом эфире (была трансляция на Дальний Восток) на неприятные вопросы.

Например, на мой вопрос о том, почему столько лицемерия вокруг детского онко-гематологического центра, на который добровольцы собрали целых 400 млн руб. Притом, что в это же время самые приближенные к власти, те самые, что действительно разоряли страну в 90-е, например, Чубайс, без какого-либо рационального обоснования на свои «нанотехнологические игрушки» сначала получают от власти 150 млрд руб., а потом, когда часть этих средств, положенных «нанотехнологами» на депозиты в банки, все же взыскали в бюджет, получают от власти еще на 160 млрд рублей госгарантий.

А плюс еще дефицит бюджета только одного этого года в 876 млрд руб. покрывают ... заимствованиями под 7 % годовых и более. Притом, что в Резервном фонде и Фонде будущих поколений, а также в золотовалютных резервах лежат более 600 млрд долларов (не рублей, а долларов – это в сумме в двадцать пять раз больше или почти полтора годовых федеральных бюджета), но на которые нам, России, начисляют менее 1,5 % годовых. То есть они там, за океаном, получают наши деньги на свои онкоцентры (и заодно на авианосцы) под 1–1,5 % годовых, а мы затем берем «в долг» свои же деньги, но уже на 6 % дороже.

Берем эту разницу в 6 % годовых – и лишь за год чистый ущерб нам всем более 50 млрд руб. Сколько детских онко-гематологических центров на эти деньги можно было бы ежегодно строить и оборудовать? И не для того ли Счетную палату подвели под президента, чтобы подобные вопросы регулярно, официально и публично задавать было некому?

Директору питерского НИИ скорой помощи, конечно, что на это ответить? Сами сможете увидеть и оценить. Но к нему какие претензии? По большому счету, то есть по серьезным вопросам, он, понятно, не уполномочен.

...Люблю ли я свой народ? Люблю – как умею. Но предпочел бы жить среди людей, для которых столь демонстративный отказ кандидата от участия в теледебатах в прямом эфире автоматически исключал бы его из числа тех, кому мы готовы доверить управление государством.

2012 г.

Дефективный народ или предательская власть?

Председатель правительства, он же считающийся избранным президентом, Путин выступил в Думе с «отчетом» о работе правительства.

Почему «отчет» я беру в кавычки – поясню. Тот, перед кем мы отчитываемся, вправе дать оценку нашему отчету, оценить нашу работу. Здесь же, как ни крути, все более напоминало некое совещание игриво демократичного руководителя со своим партхозактивом. Вроде вы вправе задавать вопросы, вы вправе даже критиковать, но последнее слово – за отчитывающимся. Не последнее слово перед вынесением решения – о его работе и его судьбе, а вообще последнее слово. Жанр, согласитесь, противоестественный...

Как это ни печально, но аргументы Путина вполне уложились в мою схему о ВТО как о капитуляции страны. И, соответственно, носили характер не тщательно и досконально рассчитанный применительно к ключевым отраслям нашей экономики, но сугубо общий мировоззренческий. Цитирую:

«Убежден, что членство в ВТО в стратегическом плане даст мощный импульс для динамичного инновационного развития нашей экономики. Ее открытость, рост конкуренции – на пользу гражданам России, а для нашего производителя необходимый стимул для развития. Это новые рынки и новые перспективы, которые мы пока еще не привыкли видеть и верно оценивать. Наконец, членство в ВТО открывает возможность цивилизованно, в правовом поле отстаивать наши интересы».

Полный текст можете сами прочесть по стенограмме. К сожалению, ответа на вопрос, из чего проистекает такая убежденность, в выступлении руководителя государства найти не удастся.

Особенно же «порадовал» такой пассаж:

«Вступление в ОЭСР будет означать присвоение глобального знака качества нашей экономике – и в целом, и отдельным производителям».

И далее – замечательные и даже умные мысли, вполне уместные на этапе ведения переговоров, но слегка запоздавшие на момент, когда надо отчитываться уже о конкретных результатах переговоров и подписанных условиях, выносимых на ратификацию:

«В ВТО можно, конечно, вступать бездумно и без толку, даже вредные последствия можно огрести, и мы знаем такие примеры, а можно так, как это делают другие страны, которые сумели выжать из формата ВТО максимум пользы для своего собственного развития. И нам нужно использовать инструменты ВТО в своих интересах, как это делают старожилы этой организации. Кроме того, мы хорошо понимаем, что новая реальность, рост конкуренции – это серьезный вызов для российской экономики и для целого ряда ее отраслей. Сейчас с участием бизнеса, отраслевых объединений рассматриваем ситуацию во всех чувствительных секторах и разрабатываем конкретные механизмы гибкой поддержки отечественного производителя, прежде всего в автопроме, в сельском хозяйстве, в сельхозмашиностроении».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.